

Церковь и будущее человечества в романе Фёдора Достоевского “Братья Карамазовы”¹

The Church and the Future of Humanity in F.M. Dostoevsky’s “The Brothers Karamazov”

Ли Тяньюнь

Аспирант направления «47.06.01 Философия, этика и религиоведение», 3 курс, Санкт-Петербургский Государственный Университет
e-mail: litianyun19920616@foxmail.com

Li Tianyun

3-rd year Postgraduate student of direction «47.06.01 Philosophy, ethics and religious studies», Saint Petersburg State University
e-mail: litianyun19920616@foxmail.com

Кудрин С.К.

Аспирант направления «47.06.01 Философия, этика и религиоведение», 3 курс, Санкт-Петербургский Государственный Университет
e-mail: ward_93@mail.ru

Kudrin S.K.

3-rd year, Postgraduate student of direction «47.06.01 Philosophy, ethics and religious studies», Saint Petersburg State University
e-mail: ward_93@mail.ru

Аннотация

Достоевский активно высказывал свои общественно-политические идеи в поздние годы, в особенности, в романе «Братья Карамазовы». В центре размышлений Достоевского находится проблема сущности и исторической роли церкви. Церковный вопрос ставится в монологе одного из героев романа — Ивана Карамазова, в нем обсуждается вопрос о церковно-общественном суде, ведущем к более общей проблеме о роли церкви в обществе и истории. Иван Карамазов выдвигает концепцию церкви, которая выражает убеждения Достоевского и совпадает с концепцией теократии Владимира Сергеевича Соловьева. Согласно этой концепции, церковь есть идеальная форма общения людей, достигших совершенства в земной жизни, т. е. раскрывших в себе Бога. Так, понятая церковь не совпадает с реальной православной церковью и станет возможной только в далеком будущем человечества. Когда такая идеальная церковь возникнет, она сделает ненужным государство и все традиционные церковные институты, основанные не на свободе, а на принципе авторитета. В романе Ивану Карамазову как писателю, выражающему эту идеальную перспективу развития человечества, противопоставлен Иван как реальный человек, которому не хватает веры в основную предпосылку, без которой указанная теократическая утопия оказывается недостижимой; эта предпосылка — вера в бессмертие, в вечную жизнь. Это приводит Ивана к трем серьезным последствиям: провозглашению принципа «если Бога нет,

1 Исследование осуществляется при поддержке Государственного комитета КНР в рамках «Государственной программы для аспирантов, посылаемых государством на учебу в зарубежные престижные университеты».

то всё дозволено», невозможности смириться со злом, творящемся в мире, и к признанию вечности авторитарной формы управления людьми, выраженной в «Поэме о Великом инквизиторе». Достоевский считал, что будущее человечества не нуждается в традиционных формах церкви и государства, единственное, что необходимо, это раскрытие в себе Бога и становления человека богочеловеком, но этот путь сопряжен с большим риском, так как всегда есть опасность подчинения божественного начала в себе низшим, эгоистическим ценностям, в этом случае человек становится человекобогом. Единственным надежным критерием различия этих путей и основание выбора правильного пути является вера в вечную жизнь.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, «Братья Карамазовы», церковь и государство, будущее человечества, русская философия.

Abstract

Dostoevsky actively expressed his social and political ideas in later years, in particular in the novel *The Brothers Karamazov*. At the center of Dostoevsky's reflections is the problem of the essence and historical role of the church. The church question is raised in an article by one of the heroes of the novel, Ivan Karamazov, which discusses the question of the church-public court, leading to a more general problem of the role of the church in society and history. Ivan Karamazov puts forward in the article the concept of the church, which expresses Dostoevsky's convictions and coincides with the concept of theocracy of Vladimir Soloviev. According to this concept, the church is the ideal form of communication between people who have achieved perfection in earthly life, that is, who have revealed God in themselves. The church understood in this way does not coincide with the real Orthodox Church and will become possible only in the distant future of mankind. When such an ideal church arises, it will make the state and all traditional church institutions based not on freedom but on the principle of authority unnecessary. In the novel, Ivan Karamazov, as a writer expressing this ideal perspective for the development of mankind, is contrasted with Ivan as a real person who lacked faith in the basic premise without which this theocratic utopia is unattainable; this premise is belief in immortality, in eternal life. This leads Ivan to three serious consequences: the proclamation of the principle "everything is allowed", the impossibility of coming to terms with the evil that is happening in the world, and the recognition of the eternity of the authoritarian form of governing people, expressed in the Poem about the Grand Inquisitor. Dostoevsky believed that the future of humanity does not need the traditional forms of church and state, the only thing that is necessary is the disclosure of God in oneself and the becoming of man as a God-man, but this path is fraught with great risk, since there is always a danger of the subordination of the divine principle in oneself to the lower ones, selfish values, in this case a person will become a man-god. The only reliable criterion for distinguishing these paths and the basis for choosing the right path is faith in eternal life.

Ключевые слова: F.M. Dostoevsky, *The Brothers Karamazov*, Church and State, the Future of Humanity, Russian Philosophy.

Достоевский являлся не только великим русским писателем, но также великим мыслителем и философом. Среди общественно-политических идей Достоевского большое место занимает проблема исторической роли церкви. В письме к своему старому другу поэту А.Н. Майкову, датированном от 6 апреля 1870 г. говорится: «Главный вопрос, который пройдет сквозь все части, тот самый, которым я мучился сознательно и бессознательно всю мою жизнь, — существование Божие» [3, с. 117]. Но этот вопрос конкретизируется через церковные проблемы. Острая постановка этих проблем присутствует в газетной статье одного из героев романа «Братья Карамазовы» — Ивана Карамазова; в ней обсуждался вопрос о церковно-общественном суде, который привел к ожесточенным спорам между

героями романа. Они выражают очень разные мнения об этой статье, что делает точку зрения самого автора не вполне ясной. Так, некоторые исследователи полагают, что сам автор и не имеет определенной позиции по этому вопросу. Мы считаем, что это не так, позиция Достоевского хорошо выражена в «Дневнике писателя» и в других текстах, а также в диалоге с другими мыслителями и философами. Если рассматривать роман только с литературной точки зрения, то можно заключить, что он является полифоническим романом, где вообще не существует философского мировоззрения самого Достоевского. Но если учесть публицистические работы Достоевского, то можно заметить, что в творчестве писателя присутствует гипертекст, соединяющий все произведения и отражающий философское миропонимание великого русского писателя. Мы рассмотрим Ивана Карамазова как публициста, затем Ивана Карамазова как человека, а после вернемся к позиции самого Достоевского по церковным вопросам.

1. Иван Карамазов как публицист

Начнем с более детального изучения статьи Ивана Карамазова о церковном суде. Основное содержание статьи — дискуссия двух тем: «обращение государства в церковь» и «обращение церкви в государство». До петровских преобразований Русская православная церковь была самостоятельной, государство не участвовало в церковных делах. Но после петровских реформ произошло слияние церкви и государственного аппарата, и государство стало осуществлять строгий контроль над церковью. Статья Ивана Карамазова, опубликованная в газете, посвящена теоретическому труду, написанному церковным деятелем, выступавшим за систему разделения церкви и государства, которая была до преобразований Петра Великого, и против системы подчинения церкви светской власти после петровских преобразований. В свою очередь, Иван Карамазов высказывает мнение в пользу политико-церковной системы и против разделения власти и церкви. «Таким образом (то есть в целях будущего), — утверждает Иван, — не церковь должна искать себе определенного места в государстве, как “всякий общественный союз” или как “союз людей для религиозных целей” (как выражается о церкви автор, которому возражаю), а, напротив, всякое земное государство должно бы впоследствии обратиться в церковь вполне и стать не чем иным, как лишь церковью, и уже отклонив всякие несходные с церковными свои цели» [4, с. 58]. Таким образом, возникает серьезный вопрос: действительно ли церковь служит государству или «церковь становится государством», либо государство служит церкви, т.е. «государство становится церковью»? В средневековой Европе христианская церковь превратилась практически в государство и даже превзошла в своей абсолютной власти все государства. Когда Иван Карамазов опубликовал свою статью, многие подумали, что он хочет возродить эту систему.

Статья была встречена многими с непониманием, самую большую критику высказал Пётр Миусов. Он считал, что Иван Карамазов выступает за возвращение к европейскому средневековью, где христианская церковь именно из-за сращения с властью пришла в упадок. Но отец Паисий резко возразил ему: «не церковь обращается в государство, поймите это. То Рим и его мечта. То третье диаволово искушение! А напротив, государство обращается в церковь, восходит до церкви и становится церковью на всей земле, — что совершенно уже противоположно и ультрамонтанству, и Риму, и вашему толкованию, и есть лишь великое предназначение православия на земле» [4, с. 62]. Отец Паисий здесь, по-видимому, выражает свои социальные идеалы через статью Ивана Карамазова. По его мнению, в статье Ивана Карамазова говорится о великой миссии русского народа и Православной церкви, которые должны привести все человечество к Царству Божьему. Разница только в том, что если «церковь становится государством», то, в конечном итоге, это государство управляет всем человечеством, в котором существует только рабство и отсутствие свободы, а если

«государство становится церковью», то, в конечном итоге, церковь спасет человечество, и все будет основываться лишь на любви, а не на принуждении. Это социальный идеал свободы и любви, а не политическая форма рабства и принуждения.

Поскольку Иван Карамазов опроверг труды церковного деятеля, а сам он является, по общему мнению, атеистом, мы легко воспринимаем его статью как отрицающую церковную традицию. Но это понимание не соответствует тексту Достоевского. Скорее, труды церковного автора, которого критикует Иван, не соответствуют церковному христианству и могут быть отнесены больше к светской социологии. Отец Паисий и отец Иосиф, как представители церковного христианства, отрицательно относятся к позиции этого церковного писателя. Отец Паисий говорит: «удивлен был словами духовного лица, что “церковь есть царство не от мира сего”. Если не от мира сего, то, стало быть, и не может быть на земле ее вовсе. В святом Евангелии слова “не от мира сего” не в том смысле употреблены» [4, с. 57]. В христианском мировоззрении истинная церковь находится вне мира, но это вовсе не исключает ее из дел мира. Истинная церковь существует именно для будущего, и Иисус Христос сошел на землю, чтобы построить такую церковь, которая действует в мире и влияет на него. Из этого следует, что высказывания указанного духовного деятеля фактически отрицают реальность церкви. Можно сказать, что книга, которую опроверг Иван Карамазов, хотя и принадлежит церковному автору, на самом деле не соответствует христианскому учению о церкви.

Но и статья Ивана Карамазова сама не вполне соответствует христианскому учению. Сначала о его статье в романе сказано: «А между тем многие из церковников решительно сочли автора за своего» [4, с. 16]. Но далее говорится совсем иное: «В конце концов некоторые догадливые люди решили, что вся статья есть лишь дерзкий фарс и насмешка» [4, с. 16]. Но отношение самого Ивана Карамазова к церковным вопросам может быть иным, чем то, что высказано в его статье. Отец Паисий и отец Иосиф, как представители церкви, высоко оценили статью Ивана Карамазова и даже вступали в спор с либералом Пётром Миусовым, который возражал против мнения Ивана. Но старец Зосима, обладая очень высокой духовной пронизательностью, не спешил давать свои комментарии, пытаясь до конца понять истинную позицию Ивана Карамазова. Именно его долгое молчание показывает, что позиция Ивана неоднозначна, и для ее оценки нужно учесть те черты его мировоззрения, которые не выражены в статье. Та идеальная система будущей церкви, о которой пишет Иван, не связана с реформами Петра Великого, она может стать реальностью только после рождения *идеального* православия, которое станет единой религией всего будущего человечества. Таким образом, статья Ивана Карамазова не оправдывает церковное христианство, а предлагает будущую, идеальную форму существования православной церкви.

Можно сказать, что Иван Карамазов выдвигает в статье теократическую утопию. Он считает, что народы и государства должны служить церкви, объединяться в церкви и даже, в результате, становиться церковью, понимаемой как идеальная система отношений людей, ставших совершенными. Эта теократическая идея очень похожа на теократическую идею В.С. Соловьева, который изложил её в своих трактатах «Три силы», «Три речи в память Достоевского», «История и будущность теократии», «Оправдание добра» и мн. др. Например, в своей книге «Оправдание добра» Соловьев писал: «Итак, нормальное отношение между Церковью и государством состоит в том, что государство признает за вселенскою Церковью принадлежащий ей высший духовный авторитет, обозначающий общее направление доброй воли человечества и окончательную цель ее исторического действия, а церковь предоставляет государству всю полноту власти для соглашения законных мирских интересов с этою высшею волей и для сообразования политических отношений и дел с требованиями этой окончательной цели» [5, с. 332-333]. Достоевский и Соловьев познакомились в конце семидесятых годов и вместе посетили знаменитый Оптинский монастырь. Во время этой поездки Достоевский рассказал Соловьеву замысел своего нового романа, отметив, что

планирует написать роман на социально-политическую тематику. Будучи молодым, но уже глубоко мыслящим человеком, Соловьев в сознании Достоевского стал прообразом Ивана Карамазова. Профессор Пекинского университета Сюй Фэнлинь отметил: «Супруга Достоевского считает, что образ героя в «Братья Карамазовы» был сформирован по образу Соловьева» [1, с. 37]. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что некоторые идеи, высказанные в статье Иваном Карамазовым как публицистом, скорее всего, исходили от Соловьева. Но Достоевский не был полностью согласен с теократической утопией Соловьева. В результате он не только поддерживает эту утопию, но и критикует ее. Это различие положительного и отрицательного отношения выстроено в романе с помощью противопоставления двух образов Ивана: как мыслителя и публициста, написавшего свою статью, и как человека, верования которого не позволяют согласиться с позицией, выраженной в статье.

2. Иван Карамазов как человек

Отрицание Достоевским теократической утопии Ивана Карамазова проводится с помощью более глубокого изображения его образа как человека. В статье Иван открыто не говорит о глубокой предпосылке своей позиции, но она имеет очень важное значение. Она раскрывается в его беседе со старцем Зосимой. Предпосылкой теократической утопии Ивана Карамазова является вечная жизнь. Пётр Миусов пересказал точку зрения Ивана Карамазова таким образом: «Иван Федорович прибавил при этом в скобках, что в этом-то и состоит весь закон естественный, так что уничтожьте в человечестве веру в свое бессмертие, в нем тотчас же иссякнет не только любовь, но и всякая живая сила, чтобы продолжать мировую жизнь» [4, с. 64-65]. В христианском мировоззрении моральное поведение возможно только тогда, когда верят в вечную жизнь, верят, что после смерти будет рай и ад, верят, что в последний день будет Суд. Отсутствие веры в вечную жизнь, безусловно, приведет к моральному упадку в реальной жизни. Таким образом, не только заповедь Иисуса Христа в Евангелии «люби ближнего как самого себя» не может быть в этом случае исполнена, но погибнут сами основания нравственности. Если народы и государства не смогут объединиться в общем служении, они смогут лишь разойтись, и каждый будет преследовать свои интересы. В результате, теократическая утопия, задуманная Иваном Карамазовым, не может быть реализована. Проблема в том, что инициатор этой теократической утопии, Иван Карамазов, не верит в вечную жизнь и поэтому не может убедить других. Иван Карамазов как человек, не обладающий должной верой, фактически отрицает Ивана Карамазова как публициста, создавшего теократическую утопию. Тем самым, сам Достоевский сам ставит под сомнение эту теократическую утопию. Он явно указывает на три крайне серьезных порока этой теократической утопии, о которых мы будем говорить отдельно.

Если вечной жизни не существует, то всё допустимо, это становится важнейшим тезисом романа, многие его сюжетные повороты связаны именно с этим тезисом. Это напрямую привело к убийству Федора Карамазова, аресту и изгнанию Дмитрия, к эпизодам шизофрении Ивана, убийству и самоубийству Смердякова. Если бы не этот духовный порок, то Дмитрий не покушался бы на убийство отца, Иван бы не стал психопатом из-за стыда, и Смердяков не убил бы своего хозяина. Дело Смердякова об убийстве отца братьев Карамазовых можно даже назвать страшным мысленным экспериментом Ивана Карамазова с этим духовным злом. Пётр же Миусов продолжал пересказывать мысли Ивана: «Что для каждого частного лица, не верующего ни в Бога, ни в бессмертие свое, нравственный закон природы должен немедленно измениться в полную противоположность прежнему религиозному и что эгоизм даже до злодейства не только должен быть дозволен человеку, но даже признан необходимым, самым разумным и чуть ли не благороднейшим исходом в его положении» [4, с. 65]. После того, как Миусов выразил эту мысль Ивана Карамазова,

Дмитрий сразу же заявил, что нельзя позволить человеку, подобному его отцу, жить и осквернять землю, поэтому отца необходимо убить. Смердяков после беседы с Иваном Карамазовым говорит, что «хорошо поговорить с умным человеком», т.е. на его убийство повлияли такие мысли Ивана. Гипотеза Ивана Карамазова о том, что все допустимо, если нет веры в вечную жизнь, повлияла на многих персонажей романа, и привела их к греховным поступкам. Но оно повлияло не только на персонажей романа, но и на многих западных философов XX в., в частности на представителей экзистенциализма. Сартр в своей работе «Экзистенциализм — это гуманизм» считал несчастьем, что Бога не существует; это означает, что мы несем ответственность за свои поступки только сами перед собой, что вполне соответствует философскому мировоззрению Достоевского.

Кроме того, без веры в вечную жизнь нельзя смириться со злом этого мира, принять его. Здесь встает проблема теодицеи, которая была большим вызовом для христианского богословия. С одной стороны, в христианском богословии Бог — всезнающий, всепроникающий и всемогущий. С другой стороны, существование зла в мире реально. Из этого рождается противоречие: если Бог олицетворяет добро, то он не может быть всемогущим, поскольку он не может сделать этот мир благим, и допускает, что он наполнен злом. Если же Бог всемогущ, то он не является добрым, поскольку не хочет сделать мир лучше. Однако вера в вечную жизнь помогает разрешить это противоречие. В декабрьском номере журнала «Дневник писателя» 1876 г. Достоевский писал: «без веры в свою душу и в ее бессмертие бытие человека неестественно, невыносимо и невыносимо» [6, с. 46]. С помощью рассказа «Приговор» Достоевский показывает, что те, у кого есть вера в вечную жизнь, склонны терпеть все невзгоды бытия, но те, у кого вера в вечную жизнь отсутствует, неизбежно либо убьют других, либо убьют себя. Это убеждение есть и в романе «Преступление и наказание»: Соня верит в бессмертие, поэтому она может терпеть все страдания в мире, вечная жизнь дает ей надежду, Раскольников же не обладает подобной верой, поэтому он не может вынести зло мира и, борясь с ним, сам порождает новое зло.

В романе «Братья Карамазовы» у Ивана Карамазова также нет веры в вечную жизнь и он не может терпеть мирское зло. Он говорит Алеше: «Я не Бога не принимаю, пойми ты это, я мира, Им созданного, мира-то Божьего не принимаю и не могу согласиться принять» [4, с. 214]. Здесь мы можем увидеть, что Иван не отрицает существование бессердечного «теоретического» Бога, но отрицает, что такой Бог нуждается в нашем поклонении. Религиозная идеология Ивана Карамазова близка к гностицизму, поскольку он считает, что Бог, сотворивший мир, — это Бог зла, сознательно создавший зло в мире. Истоки его отрицания Бога на самом деле лежали в глубоком понимании заповеди Иисуса Христа «любить ближнего как самого себя». Иван спросил своего младшего брата Алешу: «Скажи мне сам прямо, я зову тебя, — отвечай: представь, что это ты сам возводишь здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им наконец мир и покой: но для этого необходимо и неминуемо предстояло бы замучить всего лишь только крохотное созданище, вот того самого ребеночка, бывшего себя кулачком в грудь, и на неотмщенных слезках его основать это здание, согласился ли?» [4, с. 223-224] При отсутствии вечной жизни зло мира становится абсолютно непреодолимым, поэтому любовь к ближним и сострадание им неизбежно ведет к отрицанию Бога, создавшего такой мир.

При отсутствии веры в вечную жизнь теократическая утопия превращается в то устройство общества, которое Иван демонстрирует в «Поэме о Великом инквизиторе». В этом смысле поэма Ивана очень естественно дополняет его гипотезу о том, что при отсутствии веры в бессмертие все моральные ограничения для людей исчезнут. В этом случае только то авторитарное правление, которое установил Великий инквизитор, способно сдерживать волю людей. В этом смысле он прав, когда утверждает, что действует в интересах людей, и без его правления они просто уничтожили бы друг друга.

Здесь возникает вопрос, как относится мировоззрение самого Достоевского к

мировоззрению Ивана Карамазова. Верил ли он сам в теократическую утопию, которая описана в статье Ивана?

3. Церковное учение Достоевского

Обычно считают, что взгляды Достоевского противоположны взглядам Льва Толстого, что он был в согласии с церковью и даже защищал православное учение. Мы считаем эту точку зрения ошибочной. Часто в качестве аргумента в пользу согласия Достоевского с православием указывают на его героя — старца Зосиму. Однако в романе он представляет не церковное христианство, а философскую идеологию Достоевского. Старец Зосима весьма далек от православного учения в строгом смысле этого слова. Сначала он находился под сильным влиянием своего брата, затем старец подвергся влиянию таинственного посетителя, который оказался убийцей. Основа мировоззрения Зосимы — это представление о том, что жизнь есть рай, и если мы поверим, что жизнь есть рай, и объединимся и полюбим друг друга, то наша жизнь сразу же станет раем, и больше не будет нужды в трансцендентном рае, в Царствии Небесном церковного учения. Это представление очень характерно для Достоевского. В ночь после смерти первой жены, Достоевский записал текст, начинающийся словами «Маша лежит на столе», в котором ярко выражена та же идея о том, что в конце истории человечество придет к раю на земле.

Можно заметить, что церковное христианство изображается с большой долей критики в романе «Братья Карамазовы». Несомненным представителем церковного христианства в романе является отец Ферапонт; совершенно очевидно, что в облике этого полубезумного священника, которому везде мерещатся черти, Достоевский дал весьма ироничное изображение реальной православной церкви. В фантастическом рассказе «Сон смешного человека», изображая будущее человечества, близкое к состоянию рая, Достоевский утверждает: «У них не было храмов, но у них было какое-то насущное, живое и непрерывное единение с Целым вселенной; у них не было веры, зато было твердое знание, что когда восполнится их земная радость до пределов природы земной, тогда наступит для них, и для живущих и для умерших, еще большее расширение соприкосновения с Целым вселенной» [7, с. 114]. Получается, что церковь в нарисованном здесь идеальном будущем не нужна. Достоевский отрицал церковное христианство не только в романе «Братья Карамазовы», но и во многих других своих трудах.

Достоевский считал, что государство также не будет необходимым в идеальном будущем человечества, приближенном к состоянию рая на земле. Известно, что Лев Толстой имел славу анархиста, отрицающего государственную, национальную, правовую, военную и полицейскую систему, а вернувшегося из Омска Достоевского принято считать сторонником достаточно жесткой монархической системы. На самом деле Достоевский в молодости имел демократические взгляды и не был сторонником монархии, каторга не уничтожил его волю и не привела к радикальному изменению его взглядов. Некоторые его высказывания показывают, что он, как Лев Толстой и Михаил Бакунин, полагал, что в будущем значение государств и правительств будет уменьшаться и, в конце концов, они исчезнут, ведь в состоянии рая на земле людям не нужна будет авторитарная власть. Он только применял более общие философские формулировки для выражения этих взглядов.

«Анархическая» тенденция во взглядах Достоевского ярко проявляется в Пушкинской речи и в связанных с ней философских дискуссиях. Пушкинская речь, изданная Достоевским в 1880 г., вызвала большой ажиотаж в обществе и множество критических отзывов, наиболее резкой была критика А.Д. Градовского, который увидел в основе Пушкинской речи проповедь идеала «нравственного самосовершенствования», он же сам считал, что для России гораздо важнее совершенствование политической системы. «Г-н Достоевский призывает работать над собой и смирить себя. Личное самосовершенствование в духе

христианской любви есть, конечно, первая предпосылка для всякой деятельности, большой или малой. Но из этого не следует, чтоб люди, лично совершенные в христианском смысле, непременно образовали совершенное общество» [8, с. 162]. Градовский полагал, что достижение прекрасного будущего человечества (рая на земле) зависит не от нравственного самосовершенствования, а от того, может ли быть создана справедливая политическая система или же нет. Но Достоевский на это возразил, что нравственное самосовершенствование в соответствии с христианским духом является предпосылкой для всех политических систем, и если этого не произойдет, то, в конечном итоге, потерпит крах сама государственная система. «А стало быть, “самосовершенствование в духе религиозном” в жизни народов есть основание всему, ибо самосовершенствование и есть исповедание полученной религии, а “гражданские идеалы” сами, без этого стремления к самосовершенствованию, никогда не приходят, да и зародиться не могут» [8, с. 163].

Достоевский не сомневался, что религиозные принципы выше политических, поэтому образцовый политический строй возможен лишь в случае, если люди вернуться к христианским традициям и будут стремиться к нравственному совершенству. Хотя при этом Достоевский был реалистом и не отрицал, что в будущем человечества кто-то останется хозяином, а кто-то слугой. Но если будет достигнуто моральное совершенство, отношения между хозяином и слугой перестанут быть рабскими и станут равными и любовными. «Но некогда Шекспиру отрываться от работы, убирать около себя, вычищать комнату, выносить ненужное. И поверьте, непременно придет к нему служить другой гражданин, сам пожелает, своей волей придет и будет выносить у Шекспира ненужное» [8, с. 163]. В воображении Достоевского Шекспир и его слуга в будущем совершенном обществе будут ощущать себя равными и отношения их будут наполнены любовью. Эта же мысль выражена в словах и проповедях старца Зосимы в романе «Братья Карамазовы».

Говоря о споре между Достоевским и Градовским и его историческом происхождении, И.И. Евлампиев замечает: «Противостояние Градовского и Достоевского дает очень характерный пример столкновения “линии Гегеля” и “линии Фихте” в русской философии» [2, с. 11]. Философия нравственного самосовершенствования Достоевского исходит из исторической философии Фихте, который утверждал, что в будущем каждый человек раскроет в себе божественное начало и именно поэтому человечество обновится, а церковь и государство утратят свою необходимость. Градовский, как и большинство русских политических философов, находился под влиянием гегелевской философии, утверждающей, что в мировой истории Божественное начало (Мировой Дух) воплощается не в отдельных личностях, а в народах и в их государствах, и поэтому движение к окончательной цели истории управляется именно государством, а не нравственным совершенством отдельных личностей.

Принимая идею Фихте о том, что человек должен явить через свою личность Бога Достоевский считал, что этот процесс может вести к разным результатам. Раскрывая в себе Бога, человек может полностью растворить свою конечную личность в божественном начале и идти по пути Иисуса Христа, унаследовать его историческую миссию, пример этому дает князь Мышкин в романе «Идиот», который является «высшей личностью добра». Но возможно и обратное: обнаружив в себе божественное начало, человек может поставить его на службу своим низменным интересам и стать «человекобогом», Антихристом, «высшей личностью зла», пример этому дает Раскольников в романе «Преступление и наказание».

В конце романа «Братья Карамазовы» прокурор выступает с длинной речью, в которой он дает важные характеристики трем братьям Карамазовым. Среднего брата, Ивана, он представляет как западника, младшего, Алешу, — сторонником славянизма, а старшего, Дмитрия, — представителем истинной России. «В противоположность “европеизму” и “народным началам” братьев своих, он как бы изображает собою Россию непосредственную — о, не всю, не всю, и боже сохрани, если бы всю!!» [9, с. 128]. С литературной точки зрения

главным героем романа является Алеша, если смотреть с философской точки зрения, то здесь наиболее важны мысли Ивана, но если ставить вопрос о религиозном мировоззрении Достоевского, то скорее всего его выразителем является Дмитрий, именно он предстает «высшей личностью добра». В доказательство этого утверждения можно вспомнить сон, который привиделся Дмитрию в ночь ареста. «И чувствует он еще, что подымается в сердце его какое-то никогда еще не бывалое в нем умиление, что плакать ему хочется, что хочет он всем сделать что-то такое, чтобы не плакало больше дитё, не плакала бы и черная иссохшая мать дити, чтоб не было вовсе слез от сей минуты ни у кого и чтобы сейчас же, сейчас же это сделать, не отлагая и несмотря ни на что, со всем безудержем карамазовским» [4, с. 456-457].

Здесь мы видим первый мистический опыт Дмитрия, в котором Дмитрий видит свое будущее, а также будущее человечества, и видит он себя каким-то новым человеком. Этот новый человек подобен Иисусу Христу, он полон любовью и состраданием. В тюрьме Дмитрий говорит Алеше: «Брат, я в себе в эти два последние месяца нового человека ощутил, воскрес во мне новый человек!» [9, с. 30] Дмитрий представляет, что будет петь гимны подземные в Сибири, петь о воскресении своего духа, а также о воскресении всего человеческого духа в будущем человечества. Как нам кажется, в образе Дмитрия Достоевский изображает свой окончательный идеал «высшей личности добра». При приближении человечества к идеалу, к состояниюрая на земле ни церковь, ни государство больше не будут нужны, поскольку все люди станут «высшими личностями добра», станут богочеловеками, подобными Христу.

Но одновременно с этим Достоевский показывает опасность отклонения от правильного пути, если человек пойдет не по пути богочеловека — Христа, а по пути человекобога — Антихриста. В романе «Братья Карамазовы» Достоевский произносит это предостережение через диалог Ивана Карамазова с чертом, который пересказывает историю, придуманную самим Иваном — «Геологический переворот». В ней говорится: «Человек возвеличится духом Божеской, титанической гордости и явится человекобог» [9, с. 83]. Если нет ни Бога, ни бессмертия души, для грядущего человекобога больше не будет никаких ограничений. Такова «высшая личность зла» в философском понимании Достоевского.

Подводя итог, мы можем констатировать, что для Достоевского будущее человечества зависит не от церкви и не от государства, а от самого человека, от его способности выразить в себе Бога. Но путь, по которому идет человек, сопряжен с риском, и если человек сможет следовать заповеди любви Иисуса Христа, то он станет богочеловеком, а если отступит от этой заповеди, то станет человекобогом и погубит и себя и других. Главным же основанием для выбора правильного пути является вера в свое бессмертие и ничто иное.

Литература

1. Сюй Фенлинь. Философия Соловьева. Пекин, 2007. С. 393.
2. Евлампиев И.И. Истоки и смысл русского анархизма // Вопросы философии. 2018. № 4. С. 5–15.

Источники

3. Достоевский Ф. М. Письма 1869-1874 гг. // Достоевский Ф.М. Полн. собр. Соч. В 30 т. Т. 29. Книга. 1. Л., 1986. С. 7-371.
4. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 14. Л., 1976. С. 508.
5. Соловьев В.С. Оправдание добра // Соловьев В.С. Соч. В 2 т. Т. 2. М., 2013. С. 1-367.
6. Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1876 год (ноябрь–декабрь) // Достоевский Ф.М. Полн. собр. Соч. В 30 т. Т. 24. Л., 1982. С. 5-65.

7. *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя за 1877 год (январь–август) // Достоевский Ф.М. Полн. собр. Соч. В 30 т. Т. 25. Л., 1983. С. 5-223.
8. *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя за 1880 год (август) // Достоевский Ф.М. Полн. собр. Соч. В 30 т. Т. 26. Л., 1984. С. 129-174.
9. *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 15. Л., 1976. С. 5-178.